

Скушал сорок человек

Черная магия и ее разоблачение

Татьяна Кузнецова

Балет, затеянный вокруг Большого театра, проваливает на атакующие действия все новых персонажей. Личную Боярыню применяет в конце года министр культуры Евгений Сидоров. Вошел во вкус, и теперь его импровизации составляют главное различие заклятых театральными корреспондентов. Из последних сведений, поступивших из Москвы: «Эхом: Боярыня решил-таки «сдать» одного из Творцов — главного дирижера Александра Лазарева — кровоядным Чиновникам, о чем в сообщении безутешные оркестранты Большого. Марк Захаров, подписавший было письмо в поддержку Чиновников, с криком «Черт может дернуть!» («Известия» от 14 января) отказался от подписи и вывернулся из яви нечестным. С несуществующими московскими партнерами. Можно и дальше зубоскалить, наблюдая кубиты действующих лиц, но недавние публикации в газете настраивают на серьезный лад. Настел Большого театра лгут знаменитости и правители, лгут журналисты, дела вид, что заместителям и правителям верит, обманываются бесхитростные читатели. А опубликованное «Сегодня» (11 января) интервью с Еленой Образцовой — прямо-таки стукот всей этой патетической демагогии.

Вранье № 1: сама антитеза Творцы—Чиновники. В балаганном контексте эти обозначения звучат как названия дворовых футбольных команд, причем Творцы приняли свою кличку без тени иронии. Пора понять, что в этой истории вообще нет творцов. Есть люди, борющиеся за власть. Ни у Лазарева, ни у главного балетмейстера Юрия Григорovichа не существует никаких творческих планов на ближайшие два с половиной сезона, в чем они с необыкновенной легкостью признались публично (см. «Сегодня» от 20 декабря), умудрившись и тут обвинить Чиновников, травмировавших их хрупкие души. Что нас ждет впереди — ясно. Не худо окунуть в памяти прошлое проваленных Творцов.

Сделавшись главным дирижером семь лет назад, Александр Лазарев бодро взялся ставить национальную классику, испытывая некоторые трудности с западной. Как указывает Образцова, из репертуара исчезли «Кармен», «Аида», «Дон Карлос» etc. (Правда, некогда непримиримая оппонентка Лазарева теперь винит в этом опять-таки Чиновников.) Проскользнув с «Орлеанской девой» и «Ночью перед Рождеством», наскоро слепив «Скупого рыцаря» и «Алеко», перелопатив «Онегину», «Жизнь за царя», «Князя Игоря» под соусом свежего прочтения и одновременно верности истории, главный дирижер ГАБТ начал утверждаться на международной арене. Личный успех за рубежом несомненный: сроки гастролей Лазарева стали удлиняться, достигнув в истекшем сезоне семи месяцев из десяти рабочих. С дирижером зачастую странствовал оркестр, неуклонно симфонизируясь в пути. Московскому яму заняли пионеры (консерваторские студенты) и пенсионеры (ветераны ГАБТ). Надо добавить, что автор вышесказанных постановок наложил вето на их прокат. В отсутствие Лазарева никто не имел права дирижировать его созданными (в последнем сезоне, правда, были дарованы отдельные послабления). Понятно, что при таком раскладе оперный репертуар, мягко говоря, оскудел, а ведущие певцы потонули на Запад. Творцы и в этом обвинили Чиновников, не обеспечивших «приоритетные условия работы» — то есть западные гонорары в родимой стране.

Юрий Григорovich — и вовсе мистическая фигура, священная корова советского балета и советской же государственности. Алексей Парин («Сегодня» от 12 января) именно этим эпитетом обозначил конфликт в Большом. Соглашаясь — советский. В квадрате, в кубе, ибо при такой другой системе балетмейстер, поставивший свой последний балет тринадцать лет назад, изгнавший из театра Майю Плиссек, ю, Мариса Лиену, Екатерину Максимова, Владимира Васильева, утробивший без новых постановок не одно поколение артистов (век-то балетный — всего двадцать лет), доведший театр до катастрофы, называется «творцом» и удостоивается президентского пожизненного ежемесячного пособия «за особые заслуги перед Российской Федерацией»?

О том, как Григорovich способствовал включению Большого в мировой балетный процесс, не знает только ленивый. Как восвала Плиссек за право единственного (!) показа в театре «Болеро» Мориса Бежара. Как в 1986-м, выкопав балет Ролана Пети «Сирано де Бергерак», провалившийся еще тридцать лет назад на премьере в Париже, Ю. Г. перенес его в ГАБТ, а потом на голубом глазу оплакивал неуспех сего опуса. Как к юбилею Прокофьева в спешке был подготовлен «Блудный сын» Дж. Балланча и заказ за сезон по причине внутритеатрального пренебрежения к нему.

Механизм влияния Григорovichа на славный мир сего окутал демоническим ореолом. Именно благодаря Ю. Г. книга Валера Гавевского «Диверсмент», где, в частности, подвергалась сомнению эстетическая ценность «Спартак» и этическая — сладострастность опричинни «Ивана Грозного», оказалась запрещенной; набор расшан, эземплиры, просочившиеся в продажу, изъяты из магазинов, редактор книги Сергей Никудин выделен с работы, а самого Гавевского не печатали без малого десять лет. Именно благодаря Григорovichу в Париже после смерти Серга Лазарева пошел с молотка письма Пушкина и прочие бесценные реликвии из коллекции Дягилева. Томный ностальгический Лифарь готовился передать увлеченные им раритеты на родину, моля лишь об одном: чтобы три его любимых балета шли на сцене — неуклонно. Имя Лифаря исключал Москву — в то время «Мальро» представлял сов-

сем уж неслыхательный контраст репертуару Большого. Москвичи хлынули в Ленинград, а французы было запрещено подолзаться в столицу. Ведущий солист Бежара Жорж Дюни тайком пробирался в белокаменную, но Талассу, чтобы даять мастер-класс артистам Романа Виктюка, готовящим «Федру». И т. п.

Вранье № 2, особо четко сформулированное Е. В. Образцовой, заключается в попытке представить вымышленно бойко чисто априорной интригой, направленной на захват власти Чиновниками и ущемление творческих свобод. Во-первых, власти у чиновников никто не отбирал. Во-вторых, после «Льбедяного» 1968 года полет фантазии Григорovichа как придворного балетмейстера никто ни в чем не ограничивал, а самовыражение Лазарева вовсе пришло на бесценные годы и аполонии совпадало с идеологией становившегося государства. В-третьих, вне искусственной пресса, лишь только гласность разлилась языком, дружно застонала по поводу текущих премьер и положения Большого в целом (а мифически, будущая инициатива свобода, сомневаясь в качестве продукции театра уже давно). Связанные из лож гротеск любителей балета змеили в середине 80-х. Но и эту, общестественную, осязку состояния Большого предтечи не заметить. В-четвертых, история конфликта свидетельствует: первоначальная расстановка сил была иной. Проти зомби подняли голос ведущие артисты ГАБТ поколения 60х—70х, театральные деятели и критики (см. перестроечные «Огоньки»). В горбачевские заклятые дни ситуация став и вовсе абсурдной. «На стороне прогресса» вместе с новой генерацией опытных артистов очутился изысканный, почти уже подпольный партократ. И был спешно похоронен. Жутковатый комизм генеральной ситуации в том, что на необходимых реформах вроде бы настаивало само правительство. И призывает кто-то директивное издательство. Но, судя по развитию событий, вышедшая власть, замороженная черной магией Ю. Г., склонна дезавуировать собственные решения.

Вранье № 3 касается идиллической поддержки Творцов руководимыми ими коллективами. Да, поддерживают. И я, подневольная артистка, служившая за 148 тысяч руб. (чистыми, чистыми!) в ансамбле Моисеева, беру последние, кто бросит камень в коллет. Сама готова тапачить что угодно, лишь бы за доллары и за рублем. Наоборот, достойно удивления и восхищения, что в атмосфере всеобщей слезы и стукания в Большом выживают артисты, рискующие высказываться в поддержку реформ и распространяющие в стенах театра крамольные публикации, как антифашисты — на улицах ночного Вшии.

С враньем, кажется, разобрались. Остается проблема художественной коллегии. Неоднозначная. Алексей Парин: «Пора... спросить у тех, кто придумал эту коллегия (то есть у генерального директора Коккина. — Т. К.): что это за такой коллективный орган... и что этот еще не усталый, не издерганный орган вообще может? Насколько мне известно, цивилизованные европейские страны имеют другую анатомию органов управления оперно-балетным театром». Время спросить у тех, кто придумал, настало еще осенью 1994-го, когда интервьюер «Сегодня» (21 сентября) спросил, а Владимир Коккин исчерпывающе ответил. В нецивилизованной, «совковой» стране худколлегия собирается для того, чтобы изменить порядок вещей, в силу которого творцы давно превратились в чиновников от театра. Для того, в частности, чтобы пересмотреть штатное расписание и унитаризовать институт Главных. Чтобы творец возглавлял ведущую труппу страны, пройдя по КОНКУРСУ, представив хоть какую-то программу на ближайшие три года. Чтобы был связан контрактом, творил регулярно и отвечал за содеянное. Коллегия разрабатывает стратегию развития. За тактику отвечает театр.

И здесь — очередное и самое образцовое вранье № 4: предполагаемые кандидаты в коллегия не варили со стороны, назначенные рошчерком верховного поро. Не денежные мешки, как в «цивилизованных» попечительских советах. Не министерская цензура советского периода. Сейчас каждый из этих людей (Геннадий Рождественский, Игорь Моисев, Ирина Архипова, Владимир Васильев, Борис Покровский и др.) занят собственным делом, но некогда, в более счастливые для театра времена, все они были кровно соединены с Большим. Человек независимый ощущает проблемы Большого, возможно, острее, чем нынешние штатные Творцы, полагающие театр своей собственностью.

Статьи, Коккина, опасаясь упреков в авторитарности, каковые ему все равно навешивают, демонстративно открещиваясь от решения творческих вопросов, не примеряясь к ролям знаменитых дореволюционных дирижеров Всеволодова, Волконского и кавалерийского полковника Ткаковского. У него, к несчастью, и вправду нет наготове гарантий, нет ярых либеров с яркими идеями. Но лучше начать делать хоть что-то, чем расплываться дальше.

Хоть что-то. Тем временем художественная коллегия, безнадежно похороненная Е. Сидоровым в министерском стенном шкафу, не может обвинять никакого творческого конкурса. Тем временем министр, защищая демократические свободы Творцов, антидемократично разбирается с ними поодиночке, как случилось с Лазаревым (см. начало статьи), а бюрократ директор, блюдя законность, собирается за Лазарева вступиться. Тем временем принципиальная идея судьбы театра идея реформы управления съезжает к примитивному, но вечному вопросу: быть или не быть Григорovichу? Который, как мы знаем, всегда решается однозначно: быть!

Тем временем то черты, то ангелы дергают в разные стороны Марка Захарова, глядящий, пополам разорвут. А под колоннадой Большого терпеливо ждут своей очереди корова, бык и хрюшка мясник.

АРМЕН ШАХИМЯН